

Опыт построения обоснованной теории на материале молодежного сообщества Китай-города

Иван Сапогов

Настоящая работа представляет собой итог попыток вывести этнографическое описание молодежного сообщества КГ (Китай-город), собиравшегося в районе станции метро «Китай-город» Московского метрополитена для совместного проведения досуга, из конвенциональных теоретических взглядов на общественную жизнь молодежи и образуемые в ней структуры. Теоретические поиски привели нас к тому, что мы решили, оставаясь в рамках российской научной дискуссии о молодежи, построить обоснованную теорию (*grounded theory*), не отдавая предпочтения какой-либо конкретной концептуальной рамке и показывая, как отдельные теоретические положения актуализируются в жизни современного молодежного сообщества. Мы ставили перед собой вопрос о том, как время и пространство влияют на жизнь сообщества и какие теоретические подходы, используемые для описания молодежи, сохраняют свою актуальность применительно к собранному нами этнографическому материалу.

От субкультуры – к обоснованной теории: литературный обзор и постановка исследовательского вопроса

Российские исследователи описывают молодежь в городе чаще всего в терминах субкультур. В таких работах «субкультура» выделяется как фундаментальное понятие молодежных исследований [Кудряшов, 2014]. Представление о том, что для молодежи характерна субкультурность, столь распространено, что фигурирует даже в школьном курсе обще-

Сапогов Иван Андреевич, магистрант, философский факультет, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Российская Федерация, 125047, г. Москва, Миусская пл., д. 6.
E-mail: sapogovivan@gmail.com

В статье описывается молодежное сообщество Китай-города (далее – КГ) в Москве. Автор предлагает попытку построения обоснованной теории на полевом материале. Анализируется пространственный аспект жизни сообщества и его изменчивость во времени. Автор приходит к выводу о том, что занимающий важное место при описании городской молодежи в России субкультурный подход демонстрирует ригидность в ряде случаев, однако некоторые его положения сохраняют актуальность. Сообщество КГ в статье описывается как городской аттракцион, привязанный к уличному алколандшафту (*outdoor drinkscape*) и реализующий городскую функцию развлечения для жителей периферии агломерации, не имеющих как возможности подобного досуга в местах своего жительства, так и возможности статусного потребления алкоголя. Отмечается, что столкновения кэжэшников с представителями других молодежных групп в поздний период существования сообщества выводит нас на широкую проблематику структурного устройства молодежного конфликта.

Ключевые слова: КГ; Китай-город; городское сообщество; уличный алколандшафт; обоснованная теория; городская молодежь

Цитирование: Сапогов И. А. (2024) Опыт построения обоснованной теории на материале молодежного сообщества Китай-города // Городские исследования и практики. Т. 9. № 4. С. 134–144. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp942024134-144>

ствознания [Котова, Лискова, 2019, с. 33; Боголюбов, Лазебникова, Литвинов, 2017, с. 198–200; Тишков, 2020, с. 64]. Однако это понятие стало характерным для описания молодежи сравнительно недавно. Советская наука его не знала, а молодежь не рассматривалась как носитель иной (прогрессивной или реакционной) культуры [Социализм и молодежь, 1967, с. 182–191].

Широкое распространение понятие «субкультура» для описания городской молодежи получило после выхода работы Татьяны Щепанской «Символика молодежной субкультуры» [Щепанская, 1993]. Оригинальная семиотическая концепция Щепанской не получила большого распространения, однако этнографическая составляющая ее работ, внимание к одежде и сленгу, повлияла на облик российских молодежных исследований. В 2000-х годах трудно представить себе работу данного тематического направления, в котором, по примеру работы Щепанской, не содержалось бы описания внешнего облика типичного представителя данной субкультуры и распространенной среди них лексики.

Так, в вышедшем в 2009 году сборнике «Молодежные субкультуры Москвы» Венера Халикова прилагает к своей статье словарь сленга BMX-райдеров, как если бы без этого элемента описание субкультуры не было полным [Халикова, 2009]. Сергей Беликов описывает «комплекс одежды» у скинхедов [Беликов, 2009]. Александра Баркова, работавшая среди толкинистов, прибегает к семиотическим моделям интерпретации их внешнего вида [Баркова, 2009]. Описывая трезвенников-стрейтэйджеров, Алексей Брешин также обращает внимание на их одежду [Брешин, 2009]. Даже когда речь идет о молодых коммунистах, ощущается инерция этого подхода: три абзаца Дмитрий Громов посвящает их сленгу [Громов, 2009a].

Однако исследователи также стали обращать внимание на то, что, помимо «неформального», имеется и обратный ему, как бы «формальный» полюс, который, в отсутствие поддерживаемых государством массовых организаций молодежи, занимают уличные группировки *пацанов* («агрессивно-конформистская субкультура» [Писарева, 1992]) со своеобразным способом регуляции общественных, и в первую очередь гендерных, норм в городском пространстве [Громов и др., 2009; см. об этом также: Стивенсон 2017; Захарова, 2017]. Между этими полюсами находится «нормальная молодежь», не участвующая ни в стилевых играх «неформалов», ни в организованном насилии *пацанов* [Гончарова и др., 2005].

Распространение понятия «субкультура» и его привязка к молодежной среде не ограничились этой дискуссией. По сей день в историографии есть большой конгломерат текстов, в которых антиэндемический классификационный аппарат советских представлений о «неформальных молодежных объединениях» существует в практически полной неприкосновенности, лишь поменяв терминологиче-

скую вывеску. «...[П]онятие „субкультура“, – пишет Максим Кудряшов, – стало ригидным и бесчувственным к реальной молодежи, превратившись почти в аналогию понятий этноса, расы или даже биологического вида и практически потеряв свою социологичность» [Кудряшов, 2014, с. 24].

К примеру, в сборнике «Молодежные субкультуры Санкт-Петербурга», изданном в 2011 году и преследующем цель «...дать заинтересованным специалистам, работающим с подростками и молодежью, общее (а не научно-подробное) представление об основных субкультурах, их особенностях, отличительных чертах...», можно прочесть о таких «субкультурах», как «зеленые», «сатанисты», «экстрималы» (так! – И. С.), «гопники», «хулиганс» и «мазафакеры» [Армер и др., 2011, с. 2–3]. Степан Козловский, предъявив своим студентам для «опознания» список из 34 «субкультур» (среди прочего – «фитоняш», «винишко-тян», «верующих», «атеистов», «тусеров», «шмотов», «фриков» и «косплей»), получил в ответ еще с десятком подобного рода означающих [Козловский, 2020, с. 136], что может свидетельствовать не только о ригидизации концепта «субкультуры», но и о том, что он перешел из круга научных понятий в широкий общественный дискурс.

Нередко можно встретить классификацию субкультур на просоциальные, асоциальные и антисоциальные – не только в научных работах [Левашова, 2012; Куропаткина, 2014, с. 12], но и в таких источниках, как статья на сайте екатеринбургского детско-юношеского центра «Галактика» [Григорьева, 2018] или Методические рекомендации Минобрнауки по профилактике зацепинга [Минобрнауки РФ, 2017]. Отмечается, что это представление восходит к позднесоветской классификации «неформальных молодежных объединений» [Омельченко, 2004] – термин «субкультура» в связи с этой классификацией восходит, вероятнее всего, к Владимиру Лисовскому [Лисовский, 2000].

Подобного рода борхесовские перечисления и укорененные в позднесоветском дискурсе классификации справедливо вызывают упреки в нехватке этнографичности, «зоологическом», *бестиарном* [Кудряшов, 2014, с. 24] или педагогическом, оценочном подходе [Громов, 2009b, с. 11], сведении многообразия общественной жизни молодых людей к «биополитическому конструкту молодежи» [Омельченко, 2006]. Некоторые исследователи отказываются от понятия «субкультура» как по причине его теоретической пролиферации, так и в силу того, что это понятие в зарубежной социологии практически полностью вышло из оборота.

На место «субкультур» как ключевого аналитического концепта молодежных исследований представители коллектива Елены Омельченко (ульяновский НИЦ «Регион» и Центр молодежных исследований НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург) предлагают установить понятие «молодежной культурной сцены». Впрочем, этот исследовательский концепт кажется находящимся в стадии разработки и далеким

от окончательной операциональной ясности. «Сцена» – это и точка сборки различных социологических концептов, и «стиль жизни», и «место», причем место – это и физический объект, и символ, и часть пространства интернета [Омельченко, Поляков, 2017, с. 116–117]. В сборнике 2020 года у Святослава Полякова «культура» и «солидарность» – разные темы внутри описания одной сцены [Поляков, 2020, с. 403], у Натальи Гончаровой внутри сцены пересекаются уже стили и бурлит «миксовое состояние солидарности» [Гончарова, 2020, с. 366], а Эльвира Ариф описывает сцену как набор «культурных репертуаров» и машину по производству смыслов (а именно идентичностей) [Ариф, 2020].

Учитывая национальное своеобразие представления о молодежных субкультурах и некоторую концептуальную разногласию теоретических дискуссий по данному вопросу, представляется естественным, что сегодня некоторые исследователи отказываются от теоретических рамок, складывавшихся в ходе описанной нами выше дискуссии, и обращаются к обоснованной теории, отталкивающейся от непосредственно наблюдаемых в поле фактов [Желнина, Зиновьев, Кулина, 2013; Крутских, 2019].

Наукой накоплено множество сведений о разнообразных формах «социального творчества молодежи». Если попеременно прикладывать к нашему материалу разные теоретические рамки, то окажется, что каждая из них в чем-то подтверждает, а в чем-то опровергает наш полевой материал.

Прибегая к обоснованной теории, мы не хотим просто отделаться от всех дискуссий относительно общественной жизни молодых горожан, но, напротив, пытаемся поставить вопрос несколько иным образом. Вместо того чтобы отвечать на вопрос о том, что перед нами – субкультура, солидарность, сцена или какой-либо иной объект теоретического конструирования, – мы предпочитаем интересоваться, как работает изучаемое молодежное сообщество, как оно утверждает свое право на город, каким образом его участники устанавливают и оспаривают символические границы. Следуя этому вопросу, мы и будем восходить к обоснованной теории.

Методология исследования

Исследование проводилось в 2018–2021 годах в городе Москве. В качестве метода исследования использовалось полуструктурированное глубинное интервью. В ходе полевых изысканий было опрошено 15 человек. Самому младшему информанту было 14 лет, самому старшему – 31 год; возраст последнего можно считать выбросом выборки, поскольку в среднем возраст наших собеседников колебался между 14 и 21 годами. Информантов мы находили по принципу «снежного кома», спрашивая рекомен-

дации новых информантов у уже опрошенных. Также мы беседовали непосредственно в поле в ходе выездов в парк «Горка» с теми, кто встречался нам в этой локации и был готов отвечать на наши вопросы. Опросник был построен по принципу биографического интервью (*life histories*) [Sharma, Barron, 2021]: помимо получения фактических материалов об устройстве КГ, мы беседовали с информантами об их биографии, отношении к различным явлениям общественной жизни, о занятиях вне КГ, их «карьере» внутри сообщества.

Для обозначения общности, объединенной местом *тусовки* и наименованием «КГ», мы использовали термин «сообщество». Этот термин – внешний, этный; сами информанты не обозначали свою общность таким образом, говоря о *тусовке*, *движухе* или разных *волнах КГ*.

Полевые материалы были расшифрованы с диктофонных записей и анонимизированы¹. Ссылаясь на полевые материалы, мы будем обозначать в круглых скобках лишь пол («М.» или «Ж.») и через запятую возраст информанта.

Время и место

Традиция исследований молодежи в своем наиболее кристаллизованном виде, выпадающем в осадок в виде побочных жанров вроде школьного реферата, поурочной разработки к соответствующей теме по курсу обществознания или методических рекомендаций Минобрнауки, наделяет субкультуры качеством универсальности. Имплицитно полагается, что в рамках данной культуры существует некоторый набор субкультур молодежи, в ряде случаев, вроде описанных выше, формулирующийся в виде заданного списка, своего рода «китайской энциклопедии» [Козловский, 2020; Григорьева, 2018; Минобрнауки РФ, 2017]. Несмотря на то что в рамках данного подхода не исключается возможность образования новых субкультур [Куропаткина, 2008], внутренняя изменчивость субкультур (в отличие, скажем, от динамики группировок [Стивенсон, 2017, с. 265–269]) редко попадает в поле зрения исследователя.

То же касается и локального аспекта молодежной социальности. Было бы ошибкой утверждать, что этот аспект вовсе никогда и никем не рассматривался, однако исследований, которые ставили бы своей целью показать, чем отличаются, скажем, панки Рязани от панков Владивостока или металлисты Серпухова от металлистов Северодвинска, нам не встречалось. Окрестности площади Ногина (а именно они станут той ареной, на которой развернется действие нашего повествования) мелькают в милицейских сводках конца 1980-х годов как место столкновения «неформалов» и «люберов». Места *тусовки* также упоминаются в научных работах, но внимательного изучения этого самого места

1. Мы благодарим тех друзей и коллег, которые помогли нам с расшифровкой.

и его специфических особенностей как будто не хватает исследованиям молодежи.

Время и место – вот что, на наш взгляд, стало «слепым пятном» устоявшегося концептуального аппарата. Возьмем их за отправную точку при изучении *Китай-города* и начнем строить наше этнографическое описание отсюда.

На развалинах алколандшафта

До благоустройства парк «Горка», в этном языке сообщества *Китай-города* имевший название *Полигон* или *Батуты*, представлял из себя пустырь, образовавшийся напротив Московской хоральной синагоги после сноса поликлиники в 2010 году. Местные жители боролись за то, чтобы на месте пустыря разбили парк. Они опасались, что участок уйдет под высотную застройку, но в 2013 году муниципальные депутаты проголосовали за перевод земель в категорию общего пользования [Иваницкая, 2017]. С 2013 по 2016 год пустырь у синагоги был «ничьим» пространством – идеальным ландшафтом для тех, кто не имеет возможности в силу различных ограничений выпивать в барах и при этом не хочет попасться полиции и преследоваться в административном порядке за распитие алкоголя в общественном месте. Такие места Саманта Уилкинсон [Wilkinson, 2015] называет уличным городским алколандшафтом (*outdoor city drinkscape*).

Культурные ландшафты – это, по определению классика отечественного ландшафтоведения Бориса Родомана, такие ландшафты, «в создании которых люди сыграли значительную роль, а в узком <...> значении <...> благоприятные для населения ландшафты» [Родоман, 1980, с. 118]. Когда мы говорим о таком частном случае культурного ландшафта, как алколандшафт, благоприятность можно понимать как аффорданс, свойства материальной среды, предполагающей возможность использовать ее определенным образом [Гибсон, 1988; Gibson, 1979] – в данном случае для употребления алкоголя².

Как замечает Уилкинсон, специфика уличного алколандшафта в том, что он формируется теми, кто лишен возможности по-другому включиться в ночную экономику города. Неосвященные в ночное и вечернее время алколандшафты формируют эмоциональную атмосферу спокойствия, близости и веселья, как показывает Уилкинсон на материале, собранном в пригородах Манчестера [Wilkinson, 2016, p. 12].

Четырьмя функциями индустриального города, согласно Ле Корбюзье, являются жилье, работа, передвижение и отдых [Le Corbusier, 1957]. В случае

Москвы (как и во многих других случаях) функция развлечения достигает наивысшей концентрации в историческом центре города, в то время как жилища располагаются на его окраинах. Ивановская горка предоставляет желающим выпить достаточно укромных мест, являясь при этом, несомненно, частью «центра Москвы», что может объяснять рекреационное использование именно данной территории.

Несмотря на то что модель исключительного сосредоточения развлекательной функции в центре города в настоящее время подвергается критике [Wilkinson, 2015], на нашем материале она обнаруживает свою приближенность к реальности. Все наши информанты проживали либо на окраинах города, либо в городах ближнего Подмосковья. Не будет большим преувеличением сказать, что для того, чтобы встроиться в алколандшафт, подобный *кэгэшному*, молодой человек должен подвергнуться как бы двойному исключению. С одной стороны, досуг в спальном районе должен быть для него невозможен или неинтересен – как заметил один информант, «вся не гоп молодежь³ Москвы стремится в центр» (М., 20). С другой стороны, коммерциализированный досуг, встраивание в неуличный алколандшафт (*indoor drinkscape*) также должно быть для него невозможно – в силу объективных или субъективных причин. Для *кэгэшника* нет места ни в спальном районе, ни в центре; покидая периферию, он и в центре оказывается на своего рода периферии.

Одно место отталкивает *кэгэшника*, другое притягивает. Рефлексируя над причинами, которые привели их на КГ, информанты часто говорили о личном неприятии того, что принято у них в семье, например: «Отец... меня бил, за слова бил, а на *Китай-городе* такого не было» (Ж., 19). Или: «На КГ можно было то, что мне с детства запрещали, на что у меня было некое табу. <...> Там вообще было свободно – можно было пить-курить и никто тебя за это не осуждал. Там все было по-другому» (Ж., 19).

Такого рода свидетельства, с одной стороны, отсылают нас к проблематике сборки особой эмоциональной атмосферы вокруг алколандшафта [Wilkinson, 2015], с другой – возвращают к другой, чрезвычайно важной теме, которую представители бирмингемской школы культурных исследований называли «сопротивлением через ритуалы» [Hall, Jefferson, 1976].

Желая преодолеть ригидность и известный эссенциализм субкультурного подхода, некоторые российские исследователи обращаются к перформативистским метафорам сцены, обращают внимание на идентичность и формы солидаризации молодежи – при таком подходе необходимость

2. О правомерности такого понимания, связывающего ландшафт с аффордабельностью и рекреационными практиками, см.: [Родоман, 1969].

3. Примечательна аналитическая конструкция в роли предиката, насколько нам известно, не описанная в лингвистической литературе (ср. также в речи молодежи *топ* в знач. *топовый*: «там был весь топ народ» или «это топ вуз»); *-гол-* здесь – та же основа, что в слове *гопник*. Необходимо отметить, что слово *гопник* для обозначения представителя уличной группировки является для самих этих группировок внешним, см.: [Громов, 2020].

в рассуждениях о «конфликте отцов и детей» отпадает сама собой. Светлана Ерпылева, исследуя политическое участие школьников, показывает на полевых материалах, что ее информанты склонны солидаризироваться с родителями [Ерпылева, 2015, 2020]. Тем не менее на нашем материале пресловутое сопротивление «экстернальной» (выражение Татьяны Щепанской [Щепанская 1993, с. 12]), или «родительской», культуре присутствует во вполне явном виде.

Речь не о том, что в этом пространстве сопротивления нет место перформансу: «[Нужно] быть не таким как все, наверное... Пытаешься максимально корежиться, изображать из себя ненормально-го», – свидетельствует информант (М., 18). Дело в том, что перформансом происходящее не исчерпывается, и измерение пресловутого «сопротивления» в социальности *Китай-города* играет далеко не последнюю роль; перформанс входит в пространство символического сопротивления, не исключая его.

Вместе с тем «формульность» форм внешнего выражения, столь подробно описанная и в зарубежной, и в отечественной литературе, судя во всему, осталась во времени «больших субкультур». Следуя традиции, мы старательно искали внешнюю атрибутику, которая выделяла бы *кэгэшника* в молодежной среде, однако не смогли ее обнаружить: разные информанты давали разные описания, из которых едва ли можно было выделить что-то типическое, какой-либо, хотя бы и размытый, «комплекс народного костюма».

Алколандшафт Ивановской горки изменчив, и границы его меняют вполне человеческие акторы. Первой из известных нам по полевым материалам точек сбора оказывается *Крыса* («двор с крысами», *Крысямба*) – двор на нечетной стороне Маросейки в районе «Макдональдса», названный так его посетителями в начале 2010-х годов ввиду обилия там этих грызунов. Шум, который создавали *кэгэшники*, привлекал внимание соседей, и вскоре тусовка в этом месте прекратила собираться, перебравшись на бесхозный пустырь, названный *Полигоном*. Через некоторое время *Полигон* благоустроят, и на месте пустыря построят парк «Горка» – радикально иное, чем пустырь, пространство, где, как выразился один из моих собеседников, «все чинно-благородно» (М., 21). На месте *Полигона* появится площадка с общедоступными батутами, отсюда и второе название, которое приобретет *Полигон*, – *Батуты*.

Появление хорошо освещенного парка на месте пустыря, как казалось, должно было бы разрушить ту эмоциональную атмосферу, которая царствовала над старым *Полигоном*. Однако благоустройство дало дополнительную связность этого пространства, и сообщество начало стремительно осваивать его, открывая неожиданные аффордансы. Так, к примеру, была освоена заброшенная часть общежития Института иностранных языков, которую *кэгэшники* использовали для того, чтобы уединиться и заняться

сексом или справить естественную нужду. Распространение влияния сообщества и его практик затронуло также и довольно удаленную локацию – «Яму» на Хохловской площади (подробнее о «Яме» см.: [Legut, 2020]). Завсегдатаи *КГ* находили способы обезопасить себя от задержания, хорошо освоившись в пространстве, – «и они [полицейские – И. С.] не тебя первого вяжут, если сидишь нормально» (Ж., 21).

Итак, мы имеем перед собой сообщество молодых людей, сообщество нелокальное, но городское. Это сообщество связано общим самоназванием – *Китай-город*, или *КГ*, – непосредственно отсылающим к пространству, которое сообщество использует для своих специфических досуговых практик. Пространство *КГ* представляет собой место, пригодное для этих практик, – уличный алколандшафт. *Кэгэшники* по-особому вписаны в пространство города: с одной стороны, они не включаются в досуговые практики своего спального района, с другой – исключены из конвенциональных способов проведения досуга с алкоголем, которые предлагает городской центр.

Выше мы уже коснулись немного темпорального аспекта, когда говорили о том, как расширилось пространство *КГ* после благоустройства. Теперь следует уделить этой теме более пристальное внимание.

Римляне и варвары Китай-города

Время на *Китай-городе* течет быстро. Когда мы спросили одну из наших собеседниц о том, как давно была разогнана *Крыса*, то получили такой ответ: «Очень давно, три года назад» (Ж., 15).

Ландшафт не агент сам по себе – социальные взаимодействия от него неотделимы. Социальные взаимодействия не статичны, они меняются с течением времени. Несомненно, физическое пространство важно, но не менее важно пространство социальное. Когда пустырь превратился в парк, алколандшафт со всеми его сложными эмоциональными сборками будто бы должен был рассыпаться в одночасье, увлекая за собой и социальные структуры, организованные вокруг употребления спиртного. Тем не менее связанная с алколандшафтом Ивановской горки социальная структура не только не рассыпалась, но даже упрочилась, укрепилась функционально, гипертрофировала эту функцию – но, правда, в конце концов развалилась под своей собственной тяжестью.

Полигон до благоустройства некоторые информанты описывали как место не только для употребления алкоголя, но как особое пространство свободы, где можно было не только делать практически все, что угодно, найти себе близкого человека, «солмейта», «половинку». Это не очень большое сообщество. Едва ли не все друг друга знают лично. Упоминается роль *гигбсов*, то есть концертов, на которых за умеренную плату играют несколько

малоизвестных музыкальных групп – посетители этих концертов порой знакомятся с *кэгэшниками* и вливаются в сообщество, которое представляет собой нечто вроде бесконечной афтерпати. Этот факт возвращает нас к проблематике сцен (*scenes*) в классическом понимании [Straw, 1991], то есть музыки и связанных с ней потребительских практик.

Важной операцией в методологии историй жизни является повторное обращение к информанту [Sharma, Baron, 2021, p. 5]. Желая получить подтверждение связи раннего *КГ* с музыкой, я обсудил эту гипотезу с одной из своих собеседниц; она подняла меня на смех: «[Это был] коллектив таких творческих наркоманов, группы возникали сами собой. Они были дерьмовыми, склепанными на коленке, такая контркультура. Есть те, кто не слушает музыку, но нет тех, кто не употребляет». Вместе с тем она не отрицала важность концертов, однако интерпретировала этот вид досуга по-иному: «[А что касается *гигов*, то] ты туда не ходишь с *КГ*, ты там встречаешь чуваков с *КГ*» (Ж., 21).

Впрочем, информантка по возрасту и времени вхождения в сообщество занимала промежуточное состояние между старыми посетителями *Полигона* (их она уважительно называла *старичками* и очень гордилась, что *старички* добавили ее в свой чат) и новыми *кэгэшниками*, которым затруднительно было бы представить на этом месте не *Батуты*, а пустырь. Другой информант, которого также можно отнести к этой промежуточной прослойке, на вопрос о дружбе на *КГ* ответил: «Было приятельство» (М., 18). Возможно, это свидетельствует о постепенном изменении принятых в сообществе норм.

«Это, по факту, люди, которые сделали *Китай-городу* все плохое, что можно было ему сделать как месту для отвисания» – так отзывается один из информантов (М., 21) о последней волне *кэгэшников*, пришедшей в парк после его благоустройства. По его словам, в этот момент *КГ* становится более массовым, чем когда-либо, границы его делаются куда более проницаемыми – в беседу, по словам собеседника, добавляют всех – десантников, которые праздновали день ВДВ, случайных прохожих.

«А вот если малолетки, которым действительно нечем заняться и которых не могут куда пристроить их родители, или этим малолеткам ничего не интересно», – характеризует новую волну другая информантка (Ж., 21). *Китай-город* становится не только больше, но и моложе: «Да как будто эволюция пошла в другую степь. Дети с каждым годом становятся все младше и младше, которые тусят на *Китай-городе*. Когда я там тусила, самый маленький возраст, который мог быть, это 14 лет. <...> А сейчас я смотрю, там 12 лет чувакам. <...> Я в 12 лет о таком и помыслить не могла!» (Ж., 15).

Информант утверждает, что новые *кэгэшники* перекочевали на *КГ* из другого городского сообщества с Цветного бульвара (*ЦБ*), которые были вынуждены оставить старое место сбора из-за частых полицейских рейдов. Это подтвердила и другая информант-

ка, добавив: «А еще они богатые... у них деньги есть, айфоны есть. Я думаю, это классовое. Не мои чуваки, не обоссанные панки из Химок» (Ж., 21).

На место, которое некогда никому не принадлежало, но сообщества, где, «если человек бил бутылку по белке, к нему подходили: “Чувак, ты че, ..?”» (М., 21), начинают претендовать представители других молодежных групп. Например, движение «Лев против», активисты которого, по словам собеседников, с помощью перцового баллончика, действуя как бы от лица общества, пытались восстановить общественный порядок и пресечь нарушение законодательства, снимая происходящее на камеру.

Информанты сообщали еще об одной группе, специфическим образом утверждавшей свое право на город. Эта группа называется *офники*. На вопрос, что они делают, информантка (Ж., 15) ответила: «[докапываются]». К сожалению, нам не удалось застать *офников* на *КГ*, так что, описывая их, нам приходится полагаться на сведения, полученные от *кэгэшников-очевидцев*. Согласно их описаниям, *офники* – это юноши-подростки, одевающиеся в спортивную одежду и проявляющие повышенную агрессию к окружающим, как вербальную, так и невербальную, причем причины этой агрессии – нормы поведения и гендерные конвенции: «А вот че ты волосы покрасил?», «А вот че ты тут бухаешь?», «А вот че ты тут матом ругаешься?», «А че это ты как пидор выглядишь?» (Ж., 15).

Этот сюжет возвращает нас к чрезвычайно интересной, но забытой теоретической дискуссии 1990–2000-х годов, в которой молодежь представлялась в виде спектра: с одной стороны, радикальную его часть составляют всякого рода неформалы, с другой – участники уличных группировок. Центр спектра занимает «нормальная молодежь» (безоценочный термин, тяготеющий к самоидентификации представителей) – именно ее интересы и ценности декларативно защищают участники группировок, занимаясь регулированием социальных норм путем сложно организованного насилия.

К сожалению, эта теоретическая дискуссия в силу разных причин не получила развития – в том числе из-за терминологических сложностей, связанных с обозначениями описанных выше умозрительных объектов. Тем не менее на нашем полевого материале, как мы полагаем, актуализируется проблема насилия в городе, которая может быть описана в рамках подобной объяснительной модели.

Столь интенсивные события, происходящие в центре города, не могли не привлечь внимания правоохранительных органов. К 2020 году *КГ* был зачищен полицией – как сообщают информанты, к парку подъезжали несколько автозакв и задерживали тех, кто там пил и курил. Вскоре *КГ* в том виде, как он описан в настоящей статье, перестал существовать, а парк стали закрывать на ночь.

За то недолгое время (конец 2010-х), которые мы имели возможность изучать *Китай-город*, мы наблюда-

дали внутри сообщества серьезные изменения, которые трудно связать только с изменением материальной среды. Тем не менее вопрос о том, смог бы КГ численно увеличиться без помещения его в связанное благоустроенное пространство, явленное городу и миру, остается открытым.

Заключение

Теоретическое осмысление молодежной социальности представляет собой трудную задачу хотя бы потому, что сама молодежная среда крайне пластична и изменчива. Дискуссия в данной области находится в сложных отношениях с «полем»: возникает вопрос, являются ли те или иные концепции, ранее имевшие распространение среди исследователей и сейчас не получающие эмпирического подтверждения, продуктом чистого научного конструирования или, напротив, сам объект исследования изменился настолько, что прежние теоретические рамки к нему не подходят. Двадцать лет назад Елена Омельченко в заглавии своей книги назвала вопрос о молодежи открытым [Омельченко, 2004] – и сегодня едва ли можно объявить, что вопрос этот закрыт.

Субкультурный подход, долгое время главенствовавший за рубежом и продолжающий занимать значительное место в отечественной науке, имеет ряд серьезных недостатков, одним из которых является невнимание к темпоральной изменчивости молодежных общностей и пространственному аспекту их бытования. Об устойчивости символического репертуара, отличающего представителей определенной субкультуры и долгое время считавшейся едва ли не важнейшей частью молодежной социальности, в настоящее время говорить не приходится – по крайней мере, на нашем материале. Тем не менее ряд приведенных нами полевых свидетельств возвращает нас к теме сопротивления как важного аспекта социального творчества молодежи.

Теоретическая дискуссия о разных видах молодежной социальности, содержащих в себе своего рода структурную конфликтность и не получившая развития, актуализируется на нашем материале: не представляя молодежной группировки в полном виде, *офники* демонстрируют поведение, претендующее на поддержание путем насилия определенных социальных норм, что является одним из признаков пацанской группировки, широко описанных в литературе.

Пространственный аспект такой формы молодежной социальности, как совместное употребление алкоголя, в особенности в связи с предполагаемым нами механизмом «двойного исключения» *кэгэшников* в городском пространстве, помещающего их на особое место в городском алколандшафте (*urban drinkscape*), чрезвычайно интересен и требует дополнительного изучения. Тем не менее

описанный нами случай показывает, что не следует преувеличивать влияние материальных объектов на общественные процессы: в нашем случае социальные структуры, претерпев сильное изменение, сохранялись и просуществовали некоторое время после того, как, казалось, алколандшафт радикально изменился, лишившись своей прежней атмосферной сборки.

Некоторая одержимость неизменным означаемым, предпосланным определенной общности молодежи – какое бы родовое определение (субкультура, сцена, солидарность) мы бы ему ни адресовали, – в нашем случае не находит своего операционального применения: молодежное сообщество КГ, которое одинаково называет себя, солидаризуясь вокруг определенной практики и места, на деле оказывается чрезвычайно внутренне неоднородным и изменчивым.

Молодые люди, занимающиеся примерно одним и тем же на одном и том же месте, обнаруживают, что их поведение радикально отличается, а прежние механизмы социального контроля перестали работать.

Тем не менее ключевые вопросы остаются. Что такое *Китай-город*? Как устроено это сообщество? Каковы его границы?

Определенность сообщества КГ крайне размыта, и чем ближе мы к концу его известной нам истории, тем сильнее степень размытия его границ. Несомненно, все *кэгэшники* пили. Несомненно, что некоторая часть (на ранних этапах, если верить информантам, большая часть) *кэгэшников* друг друга знали. *Кэгэшники* жили на периферии городской агломерации. Мотивом, который побуждал *кэгэшников* отправляться на Ивановскую горку, было желание отдохнуть и вырваться из привычного социального круга, и иногда это принимало неожиданный поворот: как рассказала нам одна информантка, она перестала ходить на *Полигон*, когда поняла, что *Китай-город* стал для нее рутиной, такой же, как монотонная работа, от которой она вечерами бежала на КГ.

В КГ находит отражение молодежная социальность в многочисленных ее проявлениях. Мы надеемся, что нам удалось показать те два *Китай-города*, которые мы наблюдали, когда занимались исследованием, а также появление внешних, не *кэгэшных* молодежных групп, возникших в последние месяцы существования КГ. Меняются поколения, меняются нормы, даже пространство подвергается изменению. Остается только два элемента: название КГ и практика совместной выпивки.

Сообщество ли это? Вопрос открыт. Мы склоняемся к мысли, что КГ был скорее местом, чем сообществом, городским аттракционом⁴, который реализовывал важную городскую функцию досуга для тех, кто не может позволить себе статусный отдых в центре Москвы.

4. Мы благодарим Д. В. Громова, подсказавшего нам это удачное выражение.

Источники

- Ариф Э. (2020) Молодые горожане в креативных кластерах: вег-сообщество в Санкт-Петербурге//Молодежь в городе: культуры, сцены и солидарности/Сост. и научн. ред. Е.Л. Омельченко. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Армер Л.А. и др. (2011). Молодежные субкультуры Санкт-Петербурга. СПб.: ПСП-принт. Режим доступа: <http://getoi-spb.ru/wp-content/uploads/2022/08/subcultures.pdf> (дата обращения: 01.12.2023).
- Баркова А.Л. (2009) Толкинисты: пятнадцать лет развития субкультуры//Молодежные субкультуры Москвы/Под ред. Д.В. Громова. М.: ИЭА РАН. С. 197–221.
- Беликов С.В. (2009) Бритоголовые//Молодежные субкультуры Москвы/Под ред. Д.В. Громова. М.: ИЭА РАН. С. 224–252.
- Брешин А.А. (1999) Субкультура *Straight Edge*: жизнь без пороков//Молодежные субкультуры Москвы/Под ред. Д.В. Громова. М.: ИЭА РАН. С. 385–400.
- Гибсон Дж. (1988) Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс.
- Гончарова Н. и др. (2005) Нормальная молодежь: пиво, тусовка, наркотики. Ульяновск: Издательство Ульяновского государственного университета.
- Гончарова Н. (2020) Социокультурные контексты поискового движения: анализ случая//Молодежь в городе: культуры, сцены и солидарности/Сост. и науч. ред. Е.Л. Омельченко. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Григорьева М.С. (2018) Опасности большого города (что нужно знать родителям о молодежных субкультурах и как понять поведение подрастающих детей)//МБУ ДО ЦДТ «Галактика». Режим доступа: https://cdt-galaktika.uialschool.ru/?section_id=150 (дата обращения: 01.06.2022).
- Громов Д.В. (2009а) Молодые коммунисты Москвы: некоторые закономерности формирования молодежных политических групп//Молодежные субкультуры Москвы/Под ред. Д.В. Громова. М.: ИЭА РАН. С. 174–194.
- Громов Д.В. (2009b) Подростково-молодежные уличные группировки как объект этнографического изучения//Молодежные уличные группировки: введение в проблематику/Под ред. Д.В. Громова. М.: ИЭА РАН.
- Громов Д.В. и др. (2009) Молодежные уличные группировки: введение в проблематику/Под ред. Д.В. Громова. М.: ИЭА РАН.
- Громов Д.В. (2020) Гопник в интернете: виртуальная игра с точки зрения социальной драматургии Ирвина Гофмана//Новое прошлое – The New Past. № 1. С. 134–153.
- Ерпылева С.В. (2015) «На митинги я не ходил, меня родители не отпускали»: взросление, зависимость и самостоятельность в деполитизированном контексте//Политика аполитичных: гражданские движения в России 2011–2013 годов. М.: НЛО.
- Ерпылева С.В. (2020) Недостаточно взрослые для политики? Подростки в российских протестах. Доклад. 16.12.2020//Public Sociology Laboratory. Режим доступа: <https://youtu.be/y5rVh6w6Ia0> (дата обращения: 12.12.2023).
- Желнина А.А., Зиновьев А.А., Кулева М.И. (2013) «На районе»: молодежные солидарности на городской периферии//Социологические исследования. № 10. С. 69–76.
- Захарова Е.Ю. (2017) Мужские квартальные сообщества Тбилиси: структура и функционирование. Дисс. ... канд. ист. наук. СПб.: МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
- Иваницкая А. (2017) Реально «моя улица»: как жители Китай-города устроили себе бруклинский дворик//Афиша Daily. 21.08.2017. Режим доступа: <https://daily.afisha.ru/cities/6409-realno-moya-ulica-kak-zhiteli-kitay-goroda-ustroili-sebe-bruklinskiy-dvorik/> (дата обращения: 13.05.2021).
- Козловский С.В. (2020) К вопросу о мотивации студентов к обучению в аграрном вузе: факторы, влияющие на мотивацию учебной деятельности//Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. № 2. С. 132–140.
- Котова О.А., Лискова Т.Е. (2019) Обществознание. 10 класс. Учебник для общеобразовательных организаций. М.: Просвещение.
- Крутских П.Ю. (2019) Скейтбординг как инструмент прочтения города//Мониторинг общественного мнения. № 1. С. 292–310.
- Кудряшов М.А. (2014) Субкультура и после нее: история фундаментального понятия молодежных исследований//Этнографическое обозрение. № 1. С. 23–32.
- Куропаткина О.В. (2014) Молодежные субкультуры в современной России и их социализирующий потенциал//Доклады Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. М.: Научный эксперт. Вып. 11.
- Левашова Е.Л. (2012) Типологизация молодежных субкультур в современном российском обществе//Известия РГПУ им. А.И. Герцена. № 150. С. 148–152.
- Минобрнауки РФ (2017) Письмо от 24 мая 2017 г. № 07-2732 «Методические рекомендации по профилактике зацепинга среди несовершеннолетних». Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71612772/> (дата обращения: 01.06.2022).
- Омельченко Е.Л. (2004) Молодежь: открытый вопрос. Ульяновск: Симбирская книга.
- Омельченко Е.Л. (2006) Начало молодежной эры или смерть молодежной культуры? «Молодость» в публичном пространстве современности//Журнал исследований социальной политики. Т. 4. № 2. С. 151–181.
- Омельченко Е.Л., Поляков С.И. (2017) Концепт культурной сцены как теоретическая перспектива и инструмент анализа городских молодежных сообществ//Социологическое обозрение. Т. 16. № 2. С. 111–132.
- Писарева В. (1992) Агрессивно-конформистская субкультура молодежи России.//Молодежь России на рубеже 90-х годов/Отв. ред. М.М. Мальшева. М.: Институт социологии РАН. С. 40–54.
- Поляков С. (2020) Молодежная сцена уличного воркаута, Махачкала//Молодежь в городе: культуры, сцены и солидарности/Сост. и науч. ред. Е.Л. Омельченко. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Родоман Б.Б. (1969) Ельники-сексуальники: экспериментальные уроки рекреационного ландшафтоведения. Режим доступа: <https://proza.ru/2016/12/11/2225> (дата обращения: 10.11.2024).
- Родоман Б.Б. (1980) Саморазвитие культурного ландшафта и геобионические закономерности его формирования//Географические науки и районная планировка. М.: Мысль, 1980. С. 117–127.
- Социализм и молодежь (1967) Международный симпозиум молодых ученых социалистических стран «Влияние идей Октября в развитии стран мировой социалистической системы». Секция «Социализм и молодежь». Стенограмма заседаний. М.: 6/и.
- Стивенсон С.А. (2017) Жизнь по понятиям: уличные группировки в России/Авториз. пер. с англ. Ю. Казанцевой. М.: Страна Оз.
- Тишков В.А., ред. (2020) Обществознание. 11 класс. Учебник/Под общ. ред. акад. РАН В.А. Тишкова. М.: Вентана-Граф.
- Халикова В.Р. (2009) Мир вокруг экстремального велосипеда//Молодежные субкультуры Москвы/Под ред. Д.В. Громова. М.: ИЭА РАН. С. 253–296.

- По неписанным законам улицы (1991)/Ред.-сост. Ю.М. Хотченков, отв. ред. К.Е. Игошев, Г.М. Миньковский. М.: Юридическая литература.
- Щепанская Т.Б. (1993) Символика молодежной субкультуры. СПб.: Наука.
- Gibson J.J. (1979) *The Ecological Approach to Visual Perception*. N.Y., L.: Psychology Press (Taylor&Francis Group).
- Hall S., Jefferson T. (eds.) (1976) *Resistance Through Rituals: Youth Subcultures in Post-War Britain*. Birmingham: University of Birmingham.
- Le Corbusier (1957) *La charte d'Athènes*. P.: Editions de Minuit.
- Legut K.D. (2020) *How Public Spaces Empower Public Sphere in Moscow: The Case of Yama*. Bachelors Thesis. M.: Higher School of Economics. Режим доступа: <https://www.hse.ru/en/edu/vkr/366468883> (дата обращения: 13.05.2021).
- Sharma D., Barron A. (2021) *Life Histories//Methods for Change: Impactful Social Science Methodologies for 21st Century Problems/A. Barron et al. (eds.)*. Manchester: Aspect and The University of Manchester.
- Straw W. (1991) *Systems of Articulation, Logics of Change: Communities and Scenes in Popular Music//Cultural Studies*. Vol. 5. № 3. P. 368-388.
- Wilkinson S. (2015) *Alcohol, Young People and Urban Life//Geography Compass*. DOI: <https://doi.org/10.1111/gec3.12194>. Vol. 9. № 3. P. 115-126.
- Wilkinson S. (2016) *Drinking in the Dark: Shedding Light on Young People's Alcohol Consumption Experiences//Social & Cultural Geography*. Vol. 18. № 6. P. 739-757. DOI: <https://doi.org/10.1080/14649365.20161227872>.

THE KITAY-GOROD YOUTH COMMUNITY: A GROUNDED THEORY APPROACH

Ivan A. Sapogov, Master's student, Faculty of Philosophy, Russian State University for the Humanities (RSUH); 6 Miusskaya Square, Moscow, 125047, Russian Federation. E-mail: sapogovivan@gmail.com

The article describes the Kitay-gorod (KG) youth community in Moscow. It builds a grounded theory on field material, analyzing the spatial aspect of community life and its variability over time. The subcultural approach, which occupies an important place in the description of urban youth in Russia, demonstrates rigidity in a number of cases, but some of its provisions remain relevant. The article describes the KG youth community as an urban attraction tied to the outdoor drinkscape and realizing the urban function of entertainment for residents of the periphery of the agglomeration who do not have the possibility of such leisure activities in their places of residence nor the possibility of status alcohol consumption. It is noted that the clashes between the KG youth community and representatives of other youth groups in the late period of the community's existence bring us to the broader debate on the structural organization of youth conflict.

Keywords: KG; Kitay-gorod; urban community; outdoor drinkscape; grounded theory; urban youth

Citation: Sapogov I.A. (2024) *The Kitay-gorod Youth Community: A Grounded Theory Approach*. *Urban Studies and Practices*, vol. 9, no 4, pp. 134-144. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp942024134-144> (in Russian)

References

- Arif E. (2020) *Molodye gorozhane v kreativnykh klasterakh: veg-soobshchestvo v Sankt-Peterburge [Young Citizens in Creative Clusters: Veg Community in Saint Petersburg. Molodezh' v gorode: kul'tury, stseny i solidarnosti [Youth in the City: Cultures, Scenes and Solidarities]/Ed. by E.L. Omelchenko*. Moscow: HSE Publishing House. (in Russian)
- Armer L.A. et al. (2011) *Molodezhnye subkul'tury Sankt-Peterburga [Youth Subcultures of Saint Petersburg]*. Saint Petersburg: PSP-print. Available at: <http://geroi-spb.ru/wp-content/uploads/2022/08/subcultures.pdf> (accessed: 01.12.2023). (in Russian)
- Barkova A.L. (2009) *Tolkinisty: pyatnadsat' let razvitiya subkul'tury [Tolkienists: Fifteen Years of Subculture Development]*. *Molodezhnye subkul'tury Moskvy [Youth Subcultures of Moscow]/Ed. by D.V. Gromov*. Moscow: IEA RAN, pp. 197-221. (in Russian)
- Belikov S.V. (2009) *Britogolovye [Skinheads. Molodezhnye subkul'tury Moskvy [Youth Subcultures of Moscow]/Ed. by D.V. Gromov*. Moscow: IEA RAN, pp. 224-252. (in Russian)
- Breshin A.A. (1999) *Subkul'tura Straight Edge: zhizn' bez porokov [Straight Edge Subculture: Life Without Vices]*. *Molodezhnye subkul'tury Moskvy [Youth Subcultures of Moscow]/Ed. by D.V. Gromov*. Moscow: IEA RAN, pp. 385-400. (in Russian)
- Erpyleva S.V. (2015) «Na mitingi ya ne khodil, menya roditeli ne otpuskali»: vzroslenie, zavisimost' i samostoyatel'nost' v depolitizirovannom kontekste [«I Didn't Go to Rallies, My Parents Wouldn't Let Me»: Growing Up, Dependency and Independence in a Depoliticized Context]. *Politika apolitichnykh: grazhdanskie dvizheniya v Rossii 2011-2013 godov [Politics*

- of the Apolitical: Civil Movements in Russia 2011–2013]. Moscow: NLO. (in Russian)
- Erypleva S.V. (2020) Nedostatochno vzroslye dlya politiki? Podrostki v rossiiskikh protestakh [Not Adult Enough for Politics? Teenagers in Russian Protests]. *Public Sociology Laboratory*, 16 December 2020. Available at: <https://youtu.be/y5rVh6w6Ia0> (accessed: 12.12.2023). (in Russian)
- Gibson J. (1988) Ekologicheskii podkhod k zritel'nomu vospriyatiyu [The Ecological Approach to Visual Perception]. Moscow: Progress. (in Russian)
- Gibson J.J. (1979) *The Ecological Approach to Visual Perception*. New York, London: Psychology Press (Taylor&Francis Group).
- Goncharova N. (2020) Sotsiokul'turnye konteksty poiskovogo dvizheniya: analiz sluchaya [Sociocultural Contexts of the Search Movement: A Case Study]. *Molodezh' v gorode: kul'tury, stseny i solidarnosti* [Youth in the City: Cultures, Scenes and Solidarities]/Ed. by E.L. Omelchenko. Moscow: HSE Publishing House. (in Russian)
- Goncharova N. et al. (2005) *Normal'naya molodezh': pivo, tusovka, narkotiki* [Normal Youth: Beer, Hangouts, Drugs]. Ulyanovsk: Ulyanovsk State University Publishing House. (in Russian)
- Grigorieva M.S. (2018) Opasnosti bol'shogo goroda (chto nuzhno znat' roditelyam o molodezhnykh subkul'turakh i kak ponyat' povedenie podrastayushchikh detey) [Dangers of the Big City (What Parents Need to Know About Youth Subcultures and How to Understand Growing Children's Behavior)]. *MBU DO TsDT «Galaktika»*. Available at: https://cdt-galaktika.ural-school.ru/?section_id=150 (accessed: 01.06.2022). (in Russian)
- Gromov D.V. (2009a) *Molodye kommunisty Moskvy: nekotorye zakonomenosti formirovaniya molodezhnykh politicheskikh grupp* [Young Communists of Moscow: Some Patterns in the Formation of Youth Political Groups]. *Molodezhnye subkul'tury Moskvy* [Youth Subcultures of Moscow]/Ed. by D.V. Gromov. Moscow: IEA RAN, pp. 174–194. (in Russian)
- Gromov D.V. (2009b) *Podrostkovomolodezhnye ulichnye gruppirovki kak ob'ekt etnograficheskogo izucheniya* [Teenage and Youth Street Groups as an Object of Ethnographic Study]. *Molodezhnye ulichnye gruppirovki: vvedenie v problematiku* [Youth Street Groups: Introduction to the Problems]/Ed. by D.V. Gromov. Moscow: IEA RAN. (in Russian)
- Gromov D.V. (2020) *Gopnik v internete: virtual'naya igra s tochkizreniya sotsial'noy dramaturgii* [Gopnik on the Internet: Virtual Game from the Perspective of Erving Goffman's Social Dramaturgy]. *Novoe proshloe – The New Past*, no 1, pp. 134–153. (in Russian)
- Gromov D.V. et al. (2009) *Molodezhnye ulichnye gruppirovki: vvedenie v problematiku* [Youth Street Groups: Introduction to the Problems]/Ed. by D.V. Gromov. Moscow: IEA RAN. (in Russian)
- Hall S., Jefferson T. (eds.) (1976) *Resistance Through Rituals: Youth Subcultures in Post-War Britain*. Birmingham: University of Birmingham.
- Ivanitskaya A. (2017) *Real'no «moya ulitsa»: kak zhiteli Kitai-goroda ustroili sebe bruklinskii dvorik* [Really «My Street»: How Kitai-gorod Residents Created Their Brooklyn Yard]. *Afisha Daily*, 21 August 2017. Available at: <https://daily.afisha.ru/cities/6409-realno-moya-ulitsa-kak-zhiteli-kitay-goroda-ustroili-sebe-bruklinskii-dvorik/> (accessed: 13.05.2021). (in Russian)
- Khalikova V.R. (2009) *Mir vokrug ekstremal'nogo velosipeda* [The World Around Extreme Cycling]. *Molodezhnye subkul'tury Moskvy* [Youth Subcultures of Moscow]/Ed. by Gromov D.V. Moscow: IEA RAN, pp. 253–296. (in Russian)
- Khotchenkov Yu.M. (ed.) (1991) *Po nepisannym zakonam ulitsy* [By the Unwritten Laws of the Street]. Moscow: Iuridicheskaya literatura. (in Russian)
- Kotova O.A., Liskova T.E. (2019) *Obshchestvoznaniye. 10 klass* [Social Studies. Grade 10]. Moscow: Prosveshchenie. (in Russian)
- Kozlovskii S.V. (2020) *K voprosu o motivatsii studentov k obucheniyu v agrarnom vuze: factory, vliyayushchie na motivatsiyu uchebnoi deyatel'nosti* [On Student Motivation in Agricultural Universities: Factors Affecting Learning Motivation]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, no 2, pp. 132–140. (in Russian)
- Krutskikh P.Yu. (2019) *Skeitbording kak instrument prochteniya goroda* [Skateboarding as a Tool for Reading the City]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya*, no 1, pp. 292–310. (in Russian)
- Kudryashov M.A. (2014) *Subkul'tura i posle nee: istoriya fundamental'nogo ponyatiya molodezhnykh issledovaniy* [Subculture and After: History of a Fundamental Concept in Youth Studies]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no 1, pp. 23–32. (in Russian)
- Kuropatkina O.V. (2014) *Molodezhnye subkul'tury v sovremennoi Rossii i ikh sotsializiruyushchii potentsial* [Youth Subcultures in Modern Russia and Their Socializing Potential]. *Doklady Tsentra problemnogo analiza i gosudarstvenno-upravlencheskogo proektirovaniya*. Moscow: Nauchnyi ekspert, vol. 11. (in Russian)
- Le Corbusier (1957) *La charte d'Athènes*. Paris: Editions de Minuit.
- Legut K.D. (2020) *How Public Spaces Empower Public Sphere in Moscow: The Case of Yama*. Bachelor's Thesis. Moscow: Higher School of Economics. Available at: [https://www.hse.ru/en/edu/vkr/366468883\(-accessed: 13.05.2021\)](https://www.hse.ru/en/edu/vkr/366468883(-accessed: 13.05.2021)).
- Levashova E.L. (2012) *Tipologizatsiya molodezhnykh subkul'tur v sovremennom rossiiskom obshchestve* [Typology of Youth Subcultures in Modern Russian Society]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena*, no 150, pp. 148–152. (in Russian)
- Minobrnauki RF (2017) *Pismo ot 24 maya 2017 g. № 07-2732 «Metodicheskie rekomendatsii po profilaktike zatsepinga sredi nesovershennoletnikh»* [Letter No. 07-2732 of May 24, 2017 «Methodological Recommendations for Prevention of Train Surfing Among Minors»]. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71612772/> (accessed: 01.06.2022). (in Russian)
- Omel'chenko E.L. (2004) *Molodezh': otkrytyi vopros* [Youth: An Open Question]. Ulyanovsk: Simbirskaya kniga. (in Russian)
- Omel'chenko E.L. (2006) *Nachalo molodezhnoi ery ili smert' molodezhnoi kul'tury? «Molodost'» v publichnom prostranstve sovremennosti* [Beginning of Youth Era or Death of Youth Culture? «Youth» in Contemporary Public Space]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki*, vol. 4, no 2, pp. 151–181. (in Russian)
- Omel'chenko E.L., Polyakov S.I. (2017) *Kontsept kul'turnoi stseny kak teoreticheskaya perspektiva i*

- instrument analiza gorodskikh molodezhnykh soobshchestv [The Concept of Cultural Scene as a Theoretical Perspective and Tool for Analyzing Urban Youth Communities]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, vol. 16, no 2, pp. 111–132. (in Russian)
- Pisareva V. (1992) Aggressivno-konformistskaia subkul'tura molodezhi Rossii [Aggressive-Conformist Youth Subculture in Russia]. *Molodezh' Rossii na rubezhe 90-kh godov* [Russian Youth at the Turn of the 90s]/Ed. by Malysheva M.M. Moscow: Institut sotsiologii RAN, pp. 40–54. (in Russian)
- Poliakov S. (2020) Molodezhnaia stsena ulichnogo vorkauta, Makhachkala [Youth Street Workout Scene, Makhachkala]. *Molodezh' v gorode: kul'tury, stseny i solidarnosti* [Youth in the City: Cultures, Scenes and Solidarities]/Ed. by Omel'chenko E.L. Moscow: HSE Publishing House. (in Russian)
- Rodoman B.B. (1969) El'niki-seksual'niki: eksperimental'nye uroki rekreatsionnogo landshaftovedeniia [Spruce Forests as Sexual Spaces: Experimental Lessons in Recreational Landscape Studies]. Available at: <https://proza.ru/2016/12/11/2225> (accessed: 10.11.2024). (in Russian)
- Rodoman B.B. (1980) Samorazvitie kul'turnogo landshafta i geobionicheskie zakonomernosti ego formirovaniia [Self-Development of Cultural Landscape and Geobionic Patterns of Its Formation]. *Geograficheskie nauki i raionnaia planirovka* [Geographical Sciences and Regional Planning]. Moscow: Mysl', pp. 117–127. (in Russian)
- Sharma D., Barron A. (2021) Life Histories. In: Barron A. et al. (eds.) *Methods for Change: Impactful Social Science Methodologies for 21st Century Problems*. Manchester: Aspect and The University of Manchester.
- Shchepanskaia T.B. (1993) Simvolika molodezhnoi subkul'tury [Symbolism of Youth Subculture]. Saint Petersburg: Nauka. (in Russian)
- Sotsializm i molodezh' [Socialism and Youth] (1967). *International Symposium of Young Scientists from Socialist Countries «The Influence of October Ideas in the Development of World Socialist System Countries»*. Section «Socialism and Youth». Transcript of Sessions. Moscow. (in Russian)
- Stevenson S.A. (2017) Zhizn' po poniatiiam: ulichnye gruppirovki v Rossii [Life by Concepts: Street Groups in Russia]/Trans. from English by Yu. Kazantseva. Moscow: Strana Oz. (in Russian)
- Straw W. (1991) Systems of Articulation, Logics of Change: Communities and Scenes in Popular Music. *Cultural Studies*, vol. 5, no 3, pp. 368–388.
- Tishkov V.A. (ed.) (2020) Obshchestvoznaniie. 11 klass [Social Studies. Grade 11]. Moscow: Ventana-Graf. (in Russian)
- Wilkinson S. (2015) Alcohol, Young People and Urban Life. *Geography Compass*, vol. 9, no 3, pp. 115–126. DOI: <https://doi.org/10.1111/gec3.12194>.
- Wilkinson S. (2016) Drinking in the Dark: Shedding Light on Young People's Alcohol Consumption Experiences. *Social & Cultural Geography*, vol. 18, no 6, pp. 739–757. DOI: <https://doi.org/10.1080/14649365.2016.1227872>.
- Zakharova E.Yu. (2017) Muzhskie kvartal'nye soobshchestva Tbilisi: struktura i funktsionirovanie [Male Quarter Communities of Tbilisi: Structure and Functioning]. PhD Dissertation. Saint Petersburg: MAE RAN. (in Russian)
- Zhelnina A.A., Zinov'ev A.A., Kuleva M.I. (2013) «Na raione»: molodezhnye solidarnosti na gorodskoi periferii [«In the Hood»: Youth Solidarities in Urban Periphery]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 10, pp. 69–76. (in Russian)